

АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН

ПОВРЕЖДЕННЫЙ

Александр Герцен
Поврежденный

«Public Domain»

1851

Герцен А. И.

Поврежденный / А. И. Герцен — «Public Domain», 1851

«...В одну очень тяжелую эпоху моей жизни, после бурь и утрат и перед еще большими бурями и утратами, встретил я одно странное лицо, которого слова и суждения мне сделались больше понятны спустя некоторое время. Человек этот попался мне на дороге, точно как эти мистические лица чернокнижников, пилигримов, пустынников являются в средневековых рассказах, для того чтобы приготовить героя к печальным событиям, к страшным ударам, вперед примиряя с судьбой, вооружая терпением, укрепляя думами...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Александр Герцен Поврежденный

...В одну очень тяжелую эпоху моей жизни, после бурь и утрат и перед еще большими бурями и утратами, встретил я одно странное лицо, которого слова и суждения мне сделались больше понятны спустя некоторое время.

Человек этот попался мне на дороге, точно как эти мистические лица чернокнижников, пилигримов, пустынников являются в средневековых рассказах, для того чтобы приготовить героя к печальным событиям, к страшным ударам, вперед примиряя с судьбой, вооружая терпением, укрепляя думами.

Дело было на Корниче.

Я приплыл на лодке из Ниццы в небольшой городок; отсюда я собирался ехать сухим путем, но лошади единственного ветурина¹ только что воротились, надобно было им дать отдохнуть, по его словам, «два маленьких часа», что значило, по крайней мере, четыре очень больших. Мне было некуда торопиться и совершенно все равно, днем позже или раньше приеду в Геную. Я заказал себе завтрак и пошел бродить по берегу.

Какое счастье, что есть на свете полоса земли, где природа так удивительно хороша и где можно еще жить. До поры до времени свободному человеку.

Когда душа носит в себе великую печаль, когда человек не настолько сладил с собою, чтобы примириться с прошедшим, чтобы успокоиться на понимании, – ему нужна и даль, и горы, и море, и теплый, кроткий воздух; нужны для того, чтобы грусть не превращалась в ожесточение, в отчаяние, чтобы он не зачерствел. Хороший край нужнее хороших людей. Люди готовы сострадать, но почти никогда не умеют; от их сострадания становится хуже, они бередают раны, они неловки. Сверх того, люди бесят или рассеивают; к чему еще беситься, к чему, с другой стороны, бежать от печали, это так же робко и слабо, как глупо бежать от наслаждений, когда они еще веселят.

Досадно, что я не пишу стихов. Речи об этом крае необходим ритм, так, как он необходим морю, которое мерными стопами во веки нескончаемых гексаметров плещет в пышный карниз Италии. Стихами легко рассказывается именно то, чего не уловишь прозой... едва очерченная и замеченная форма, чуть слышный звук, не совсем пробужденное чувство, еще не мысль... в прозе просто совестно повторять этот лепет сердца и шепот фантазии.

День был удивительный, жар только что начинался, яркое, утреннее солнце освещало маленький городок, померанцевую рощу и море. Пригорок был покрыт лесом маслин. Я лег под старой, тенистой оливой недалеко от берега и долго смотрел, как одна волна за другою шла длинной, выгнутой линией, подымалась, хмурилась, начинала закипать и разливалась, пропадая струями и пеной, в то время как следующая с тем же важным и стройным видом хмурилась и закипала, чтобы разлиться. Нам так чуждо все бескорыстное, так дешево все настоящее, что и в вечном колыхании природы человек невольно ждет чего-то – следующей волны, развязки... вот теперь, кажется, что-то да выйдет... кажется, что теперь, а волна опять разлилась и шумит, шурстя камнями, которые утягивает с собой вглубь, чтобы при первом ветре выбросить их снова на берег.

Волна моей жизни, думалось мне, тоже перегнулась и течет вспять, я чувствую, как она отступает, касается камней дна и берега, как увлекает меня назад, не обращая внимания ни на ушибы, ни на усталость и нашептывая в утешение:

Погоди немного,

¹ извозчика (от *im. vetturino*)

Отдохнешь и ты!

...Наша жизнь вовсе не наша, все делается помимо нас.

Человек растет, растет, складывается и прежде, нежели замечает, идет уж под гору. Вдруг какой-нибудь удар будит его, и он с удивлением видит, что жизнь не только сложилась, но и прошла. Он тут только замечает тягость в членах, седые волосы, усталость в сердце, вялость в чувствах. Помочь нечем. Узел, которым организм связан и затянут, – личность – слабеет. Жгучие страсти выдыхаются в успокоивающие рассуждения, дикие порывы – в благоразумные отметки, сердце холодеет, привыкает ко всему, мало требует, мало дает, химическое сродство, где может, утягивает составные части в минеральный мир и заменяет их чем-то мертвым, каменным. Безличная мысль и безличная природа одолевают мало-помалу человеком и влекут его безостановочно на свои вечные, неотвратимые кладбища логики и стихийного бытия...

...Когда я пришел в гостиницу, на дворе уже было очень жарко, я сел на балконе. Перед глазами тянулась длинной ниткой обожженная солнцем дорога, она шла у самого моря, по узенькой нарезке, огибавшей гору. Мулы, звоня бубенчиками и украшенные красными кисточками, везли бочонки вина, осторожно переступая с ноги на ногу; медленное шествие их нарушилось дорожной каретой, почталион хлопал бичом и кричал, мулы жались к скалистой стене, возчики бранились, карета, покрытая густыми слоями пыли, приближалась больше и больше и остановилась под балконом, на котором я сидел.

Почталион соскочил с лошади и стал откладывать, толстый трактирщик в фуражке Национальной гвардии отворил дверцы и два раза приветствовал княжеским титулом сидевших в карете, прежде нежели слуга, спавший на козлах, пришел в себя и, потягиваясь, сошел на землю.

«Так спят на козлах и так аппетитно тянутся только русские слуги», – подумал я и пристально посмотрел на его лицо; русые усы, сделавшиеся светло-бурыми от пыли, широкий нос, бакенбарды, пущенные прямо в усы на половине лица, и особый национальный характер всех его приемов убедили меня окончательно, что почтенный незнакомец был родом из какой-нибудь тамбовской, пензенской или симбирской передней. Как ни философствуй и ни клеветничай на себя, но есть что-то шевелящееся в сердце, когда вдруг неожиданно встречаешь в дальней дали своих соотечественников. Между тем из кареты выскочил человек лет тридцати, с сытым, здоровым и веселым видом, который дает беззаботность, славное пищеварение и не излишне развитые нервы. Он посадил на нос верховые очки, висевшие на шнурке, посмотрел направо, посмотрел налево и с детским простодушием закричал спутнику в карете:

– Чудо какое место, ей-богу, прелесть, вот Италия так-Италия, небо-то, небо синее, яхонт! Отсюда начинается Италия!

– Вы это шестой раз говорите с Авиньона, – заметил его товарищ усталым и нервным голосом, медленно выходя из кареты.

Это был худощавый; высокий человек, гораздо постарше первого; он почти весь был одного цвета, на нём был светло-зелёный пальто, фуражка из небеленого батиста, под цвет белокурым волосам, покрытым пылью, слабые глаза его оттенялись светлыми ресницами, и, наконец, лицо завялое и болезненное было больше изжелта-зеленоватое, нежели бледное.

Печальная фигура посмотрела молча в ту сторону, в которую показывал его товарищ, не выражая ни удивления, ни удовольствия.

– Ведь это всё оливы, всё оливы, – продолжал молодой человек.

– Оливовая зелень прескучная и преоднообразная, – возразил светло-зеленый товарищ, – наши березовые рощи красивее.

«Ба, – подумал я, – да это старые знакомые, это Ноздрев и Мижухев, переложенные на новые нравы и едущие не в Заманиловку, а в Сен-Ремо».

Молодой человек покачал головой, как будто хотел сказать: «Неисправим, хоть брось!» – и взглянул наверх. Лицо его показалось мне знакомо, но, сколько я ни старался, я не мог припомнить, где я его видел. Русских вообще трудно узнавать в чужих краях, они в России ходят по-немецки без бороды, а в Европе по-русски отращивая с невероятной скоростью бороду.

Мне не пришлось долго ломать головы. Молодой, человек с тем добродушием и с той беззаботной сытостью в выражении, с которыми радовался оливам, бежал ко мне и кричал по-русски:

– Вот не думал, не гадал – истинно говорят, гора с горой не сходится – да вы меня, кажется, не узнаете? Старых знакомых забывать стали?

– Теперь-то очень узнаю; вы ужасно переменились, и борода, и растолстели, и похорошели, такие стали кровь с молоком.

– *In corpore sano mens sana*, – отвечал он, от души смеясь и показывая ряд зубов, которому бы позавидовал волк. – И вы переменились, постарели – а что? Жизнь-то кладет свои нарезки? Впрочем, мы четыре года не видались; много воды утекло с тех пор.

– Не мало. Как вы сюда попали?

– Еду с больным...

Эта был лекарь Московского университета, исправлявший некогда должность прозектора; лет пять перед тем я занимался анатомией и тогда познакомился с ним. Он был добрый, услужливый малый, необыкновенно прилежный, усердно занимавшийся наукой а *live oueug*², то есть никогда не ломая себе головы ни над одним вопросом, который не был разрешен другими, но отлично знавший все разрешенные вопросы.

– А! Так этот зеленый товарищ ваш больной; куда же вы его дели?

– Это такой экземпляр, что и в Италии у вас не скоро сыщешь. Вот чудак-то. Машина была хороша, да немного повредилась (при этом он показал пальцем на лоб), я и чиню ее теперь. Он шел сюда, да черт меня дернул сказать, что я вас знаю, он перепугался; ипохондрия, доходящая, до мании; иногда он целые дни молчит, а иногда говорит, говорит – такие вещи, ну просто волос дыбом становится, все отвергает, все – оно уж эдак через край; я сам, знаете, не очень бабьим сказкам верю, однако ж все же есть что-то. Впрочем, он претихий и предобрый; ему ехать за границу вовсе не хотелось. Родные уговорили, знаете, с рук долой, ну да и языка-то его побаивались – лакеи, дворники все на откуп у полиции – поди там, оправдывайся. Ему хотелось в деревню, а имение у него с сестрой неделимое; та и перепугалась – коммунизм, говорит, будем мужикам проповедовать, тут и собирай недоимку. Наконец, он согласился ехать, только непременно в Южную Италию, *Magna Graecia*!³ Отправляется в Калабрию и ваш покорный слуга с ним в качестве лейб-медика. Помилуйте, что за место, там, кроме бандитов да попов, человека не найдешь; я вот проездом в Марселе купил себе пистолет-револьвер, знаете, четыре ствола так повертываются.

– Знаю. Однако ж должность ваша не из самых веселых, быть беспрестанно с сумасшедшим.

– Ведь он не в самом деле на стену лезет или кусается. Он меня даже любит по-своему, хотя и не даст слова сказать, чтобы не возразить. Я, впрочем, совершенно доволен; получаю тысячу серебром в год на всем готовом, даже сигарок не покупаю. Он очень деликатен, что до этого касается. Чего-нибудь стоит и то, что на свет посмотришь. Да, послушайте, надобно вам показать моего чудака.

² без труда; буквально – непосредственно с листа (*фр.*)

³ Великая Греция – название Южной Италии (*лат.*)

– Бог с ним совсем. Кстати, вы не только других не знакомьте, но и сами будьте осторожны, со мной верноподданным дозволяется только грубить, а не то вас, пожалуй, после возвращения из Италии в такую Калабрию пошлют, где ни попов, ни разбойников нет. А может быть, и *peggio*⁴ – такое зададут *arpeggio*⁵.

– Ха-ха-ха – эх язык-то, язык, все тот же, все с ядом, все бы кусаться, вот небось этого не забыли – *arpeggio*. Не боимся мы, наше дело медицинское; ну, позовут к Леонтию Васильевичу, что же? Я скажу откровенно – помилуйте, генерал, на дороге встретил человека, без живота лежит, не может дальше ехать, ну я ему лауданума с мятой дал, это обязанность звания, долг человечества. Он ведь и поймет, что это вздор, ну, да умный человек, надоело же все в Сибирь да в Сибирь, скажет – ну вперед будьте осторожны, я говорю для вашего собственного блага, это отеческий совет, – так и отпустит. Нынче у нас как-то меньше смотрят за этим, ей богу; у Излера «Пресса» лежит так, как «Петербургские ведомости», просто на столе лежит.

⁴ хуже (*ит.*)

⁵ арпеджо (музыкальный термин) (*ит.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.